

Моск. новости. - 1993, 27 июня, - с. 13В.

АЛЕКСАНДР МАСЛЯКОВ:

«Надеюсь, до очередного закрытия КВН я не доживу...»

Если критик намерен отточить свое пренебрежительное перо, он может начать с КВН — как любая самодеятельность, это вполне подходящая мишень. Однако при этом КВН — одна из древнейших передач нашего ТВ, которая ухитрилась пережить два рождения, — случай беспрецедентный.

— Есть люди, для которых без драки нет кайфа. А я, знаете, не боец. Комфортно чувствую себя при хорошем отношении, извините, ко мне или к моему делу.

— Как я вас понимаю.

— Ладно, сошлись. Не получилось конфликта. Давайте искать дальше.

— КВН и вы — для меня такая же ассоциация с детством, как Дед Мороз. Как вам удалось сохраниться?

— Может, это просто оптический обман? Кстати, сейчас нет молодежной редакции, есть студия «Эксперимент», и я говорю: ну и слава Богу, в молодежной мне уже неудобно работать вроде бы, а «Эксперимент» — это я еще могу. Не знаю, может быть, кто-то должен сказать: «Хватит, сваливай с экрана», но пока не говорят, и я не бегаю, никого за фалды не хватаю: не пора мне еще? Думаю, не пора.

— Вы часто производите впечатление довольно жесткого человека.

— Тут не человеческое, скорее профессиональное... И потом, я умею держать удар, хотя мое предназначение, считаю, диван и книжка, как бы пасторально это ни выглядело. Но мне приходилось сражаться с начальниками, и хотя они отнеслись к возрождению КВН благосклонно (не они же его закрывали) и было уже, кажется, другое время, — объясняться, «в свете ли перестройки эта штука». Да, иногда выхожу из себя, какую-то вздорность проявляю, раздражаюсь. Короче, в окопах отсидеться не удастся.

— Но вы как-то легко об этом говорите...

— Почему же, — когда я сказал, что, бывает, раздражаюсь, так вот сейчас я раздражался, чтоб вы знали. Ну, придет новый председатель, вызовет Маслякова и скажет: «Александр Васильевич, вы

старый человек. Вы профессионал, — может быть, даже такое слово прозвучит! — Ну что вы, ей Богу, с этим КВНом, зачем вам эти студенты, эта самодеятельность? Бросьте...» Я ж все равно на это не пойду, лучше поберегу свои силы и нервы для последнего крика: «Елочка, зажгись!».

— Вы и КВН появились на экране одновременно?

— Нет. Я учился «на инженера» в МИИТе, был 1964 год, и КВН уже шел. Даже когда МИИТ собрал команду, я был не игроком, а зрителем. На одной записи, а их сохранилось всего-то минут 15 из старого КВН, увидел свой затылок — первое мое появление на экране. И вот режиссер Белла Сергеева придумала какую-то передачу для студентов и решила, что вести ее должны студенты. Паша Кантор, капитан нашей команды, наткнулся на меня: попробуешь? Ничего страшного — дадут текст, махнут — скажешь, махнут — замолчишь. Честно говорю — уговаривал он меня недолго. Было интересно, как делается передача, — это ж кухня, а чужая кухня всегда интереснее своей. И потом, подумал я, покажут по телевизору, это если не вселенская слава, то близко к тому...

— Согласились...

— Да... И, видимо, совсем кризис был с ведущими, потому что скоро вести КВН поставили меня. Параллельно я окончил МИИТ и оказался в «Гипросахар», но моя инженерная жизнь длилась год и шесть дней — вдруг создали какие-то мифические курсы для работников телевидения, там не знали, чему учить, учили всему, — короче, я их окончил и перешел в штат.

— Вы как-то назвали Беллу Исидоровну телевизионной крестной матерью.

— Помню — КВН, я — на сцене, на втором этаже — аппаратная, там сидит она, такая энергичная, я что-то говорю, как мне кажется, потрясающе, закончил, отошел в сторону, вдруг слышу цокот шпилек по ступенькам: «Масляков, пойдись сюда!» Я в порыве: «Да, Белла Исидоровна!» — «Ты дурак, Масляков! Ду-рак!» И — фью — обратно в аппаратную.

А еще был период, когда меня использовали

как клетчика-испытателя. Появлялась новая передача, и сначала неясно, какой она должна быть, и делалось так: запустим Маслякова, он, может, и не улучшит, но не испортит точно, и будет что-то понятно... Первый выпуск «Что? Где? Когда?» вел я, но об этом помним только мы с Ворошиловым. Так было и с «Двенадцатым этажом». Тридцать лет на телевидении — это очень много... Сегодня я погружен в КВН, и мне это нравится.

— Вас не раздражает, когда игроки неуклюже шутят или говорят пошлости?

— Я сражаюсь, доказывая дурновкусие в том или ином случае. Но вообще с ними мне интереснее, чем с ровесниками. Они неожиданнее, потому что немножко из «завтра». К более умным, чем я, — такое трудно представить, но все же — к более умным из них я даже привязан.

— Вы хотите убедить меня, что КВН — это серьезно.

— В прошлом году, когда команды Армении и Азербайджана играли в одном сезоне, выяснилось, что в обеих республиках начались «накрутки». Разговоры о выигрыше шли на очень высоких уровнях — престиж и так далее. Не думаю, что мое предложение всех устроило, но я посчитал нужным отменить финальную встречу, чтобы не разжигать ненужных страстей. Так что КВН — не просто телепередача, за ним уже жизнь какая-то есть.

— Вы болезненно относитесь к критике?

— Да. За тридцать лет я шкуру не надубил. И потом — ни один критик не убедит меня, что то или иное плохо, если мне это нравится. Хотя я понимаю, это тоже профессия — телекритик. Галя Волчек, будучи сама неглупой женщиной, привела как-то слова одного умного человека о критиках: либо читаешь и потом убиваешь, либо не читаешь и убиваешь сразу. Я спросил, какой способ предпочитает она, — призналась, что бывает по-разному.

— Вы нападаете на газетчиков с пылом члена Верховного Совета — о проблемах с начальством говорили более снисходительно.

— Это я немножко кокетничал. И потом, если и нападаю на газетчиков, то как сосед-фермер, а не председатель разрушенного колхоза... А с другой стороны, все так и должно быть, сказал я, уже успокаиваясь. И начальники должны быть неким раздражителем, и критики... Я, кстати, человек очень неразговорчивый и в компании не подарок, это вы просто с комплиментов начали, вот я и разговаривался.